

Министерство образования и науки Российской Федерации
Российский педагогический государственный университет
имени А. И. Герцена
Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 16

**Феофан Прокопович и русская литература.
От предклассицизма до предромантизма**

Санкт-Петербург
Самара
2013

ФЕНОМЕН ЕКАТЕРИНЫ ВТОРОЙ В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ М. Н. МУРАВЬЕВА

*История ...возносит светильник свой над преткновен-
ниями бедствий и разрушений, как ... огни на островах и
возвышениях посреди моря, усыпанного камнями, для из-
бавления мореплавателей от ... кораблекрушения.*

М. Н. Муравьев

Блестяще характерный для одического сознания русской литературы первой половины XVIII века феномен сакрализации монарха ко второй половине столетия вступает в иной этап своего развития. Интересный и показательный пример — эпоха царствования Екатерины Великой. О Екатерине Второй в «пространстве» феномена судьбы и творчества Михаила Никитича Муравьева (1757–1807) можно говорить в нескольких контекстах: биографическом, просветительском и собственно литературном. Именно на царствование Екатерины Великой приходится и вхождение писателя в отечественную словесность и его последующий взлет в ней (десятилетия: от конца 1760-х — к первой половине 1790-х годов). Помимо непосредственных отсылок на феномен Екатерины в письмах, одах и дневниках Муравьева, екатерининская тема звучит в разные годы и при его обращении к общим вопросам исторического бытия России, философии власти, педагогики и психологии (в последнем случае — как комплекса наук о просвещении и преобразовании человека). Символично важно иметь в виду, что весьма высокое внимание оказывала императрица еще отцу будущего писателя. В петербургском письме сестре от 1 марта 1781 года Михаил Никитич с гордостью рассказывает, как Никита Артамонович (Муравьев-старший) был на приеме у государыни и заслужил ее изысканный европейский комплимент относительно своего возраста: Екатерина сказала семидесятилетнему старику, что он «бодр и весел» как пятидесятилетний [5]¹. Интересно при этом, что, вольно или невольно, заданный

¹ Здесь и далее в статье в квадратных скобках жирным курсивом указан номер цитируемого издания по списку литературы, приведенному в конце статьи (с. 233), обычным шрифтом — страницы. При одновременной ссылке на несколько изданий одно от другого отделяется точкой с запятой.

государыней тон «непринужденного дружества» Муравьев, легко и в меру дерзко, переносит, и это еще — в письмах 1770-х годов, и на нее саму. Так, в письме от 7 августа 1777 года Екатерина Вторая «попадает» рядом с Хемницером в размышления молодого писателя о пользе пеших прогулок: «Хемницер ..., сказывают, прогуливался в Париже с Руссо. Государыня вчерашний день изволила приезжать в Петербург для Преображенского праздника ... через сад (из Летнего дворца. — А. П.) проходила на набережную пешком...» [6, 269] (Здесь и далее подчеркнуто мной. — А. П. Не преддверие ли это известной зарисовки, следовавшей затем у Г. Р. Державина в «Фелице»?); Не удивительно для семьи, где высшими благами почитались долг, совесть и добродетель, также и то, что Муравьевы разных поколений всегда для себя соотносили подобный феномен «простоты / величия» государя с глубокой нравственной идеей верности престолу. Как отец Михаила Муравьева позже, на высоком посту сенатора, будет однозначно осуждать смуту и крамолу радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», так сын, еще в начале 1780-х годов, признается сестре, что самое главное для него в жизни — «...быть добрым, верным своему долгу...» (1781 год, апрель 5-го, СПб.) [5]. Екатерина умела ценить людей такой натуры, как Муравьевы — потому в свое время Муравьев-младший и был приглашен, с ее царственного прямого согласия и одобрения, на очень ответственную роль преподавателя истории, нравственной философии и словесности к ее внукам Александру и Константину.

В этом контексте как раз и рождаются у Михаила Никитича в годы царской службы произведения и историко-философские («Опыты истории, писмен и нравов», «Разговоры мертвых»¹) и художественно-философские («Обитатель предместия», «Эмильевы письма» и ряд др.).

Екатерининская тема в феномене литературно-общественной деятельности Муравьева приобретает уже и иное «измерение» — общественно-просветительское². Своеобразный итог-

¹ В «Разговорах...» примечателен образ правительницы — княгини Ольги, открывшей в беседе с супругом, что языческая жестокость и месть — ничто перед Богопочитанием и человеколюбием христианства [7, 310–312].

² Касательно общих вопросов диалога Екатерины Второй с просветительской мыслью — см.: [14, 291–302]; о методологических аспектах проблемы — см.: [16, 110–115].

постскрипtum своим размышлениям о человеке и его долге Муравьев подведет в царствование сына Екатерины – Павла: «*Никогда бесполезны не могут быть изображения благонравия, преодоления самого себя, ...общественного духа (public spirit), твердости, благотворительности, дружбы, ...правосудия...*» [11].

Несколько раньше в специальном сборнике эссе по истории (очерк «Эпохи Российской империи») писатель уже выстроил самую важную для него парадигму: «великий человек» (правитель) – «великий народ» – «великое семейство» (все человечество). Соединяет все эти миры-звенья четкий духовный идеал: как «*великий человек сообщает верховную силу души своей народу, над коим властвует...*» [8, 272], так, законный и благодатный итог, человеческий род образует «*...одно и то же великое семейство...*» [8, 89]. Общую гармонию способна обеспечить лишь центральная власть, «*...отдаленная от предразсуждений, от ненависти, от ласкательства, ревностная для единой добродетели, страшная для порока...*» [8, 3–4], – опять же, как видим, нравственное кредо, нравственный «стержень» оказываются главнейшими¹.

Лирический поэт в Муравьеве выше воспитателя-историка – потому и всякое нравоучение он стремится утвердить в высокой метафоре. История, заключает он, так же «*...возносит светильник свой над преткновениями бедствий и разрушений*», как «*...огни на островах и возвышениях посреди моря, усыпанного камнями, для избавления мореплавателей от ... кораблекрушения...*» [8, 3–4].

Схожую по общему замыслу лирическую панораму Муравьев выстраивал и до этого – в своих «Екатерининских» одах 1770-х годов. Здесь в центре представляемой картины мира оказываются у поэта идеи о едином, Богом благословенном семействе человечества под оком «добродетели в действии» – монархии². «Ода должна быть лиричной, раскрывать мир души, красоту

¹ Панорама просветительской деятельности писателя, на материале фондов библиотеки МГУ полно представлена в аналитическом обзоре Л. А. Алехиной: [1, 34–37].

² Позже в «Эмилиевых письмах» красной нитью пройдет мысль о том, что «*...в умножении счастья, просвещения и добродетели*» и заключено высшее назначение монарха и человека власти вообще! [7, 141].

сердца...», – анализируя раннюю эстетику писателя, предлагает своеобразную формулу-итог жанрово-этических исканий писателя С. А. Симонова [13, 52].

Показательна у М. Н. Муравьева «Ода ее Императорскому Величеству государыне Екатерине II, Императрице Всероссийской, на замирение России с Портою Оттоманскою» (1774). Открывающее оду традиционное на первый взгляд обращение к монархине главный акцент, что необычно, переносит не на разум, а на чувства, причем это, по мнению Муравьева, – несравнимо более значимо. Даже мир, наступивший после победы над турками, – не столько победа русского оружия, сколько, скорее, «победа русской души»: «*Царица душ и наша Мать! / Ликуй, ликуй, Екатерина! / ... / Почувствуй наши восхищенья, / Вообрази те ощущения, / Которых росса грудь полна; / Вообрази и успокойся: / Навек брань кровава скройся, / Навек буди тишина...*» [10, 109]. Еще более необычной для классической военной оды выглядит концовка, выполненная в стиле лирической идиллии: «*Града и села ликуют, / Благославляя небеса, / И безмятежно торжествуют, / Прияв сей слух во ушеса. / Земля уж боле не дымится, / И сын ко матери стремится, / И к брату разлученный брат... / ... / Там слезы радости льются...*» [10, 113]. В классической военной оде после описания сраженного врага обычно шли картины грядущего процветания в гражданско-просветительском духе (расцвет наук, торговли) – Муравьеву же важны «движения души», «просветление сердец», все то, что созидает внутренний мир человека¹. Так Михаил Муравьев (возможно, незаметно сам для себя) отступает и от чтимого им учителя – Михаила Ломоносова.

Батальная и панегирическая тематика, «встречаясь» на образе Екатерины Второй, могут давать причудливо различные вариации². «Екатеринин век» – время нарастающей в лирической прогрессии доблести: «*...исполины / С згидою Екатерины / На турок вержут тучи стрел...*» («Храм Марсов», 1773) [10, 104]. Сами благословенные всемогущей властительницей военачальники тоже «распределены» юным поэтом по строгим метафорич-

¹ О «великих людях между Государями», превыше всего ценивших мир и свободы, речь идет у Муравьева и в «Тетради для сочинений» [7, 245].

² В историческом контексте интересны наблюдения Г. В. Ибнеевой [2].

ным законам оды: на земле готовит победы Панин («...готовит ...стен проломы...»), в воздухе «реют» «...Репнин, Каменский – бранны громы», в небо устремлен и в нем живет лучший – Суворов: «...быстротой орел» [10, 104]. Не удивительно, что всем управляющий монарх существует в том же «измерении», более того – он этим «вышним миром» как раз и порожден: Екатерина оказывается, в представлениях Муравьева, равновелика лишь самому Петру Великому: «*Душа во обоих едина, / Одних исчадие небес...*» («Ода на победы, одержанные российским оружием в продолжение первой турецкой войны», 1773, конец 1780-х годов)¹ [10, 106].

Монарх и страна – одно целое. Как России «...лести чужды», так и «...нет Екатерине нужды / Во громогласных похвалах...» [10, 109].

Превыше всего для монарха в «идеалонесущей» оде – Труд: а) обращенный вовне – преобразование страны, всего ее мира: «*Воззри на труд Екатерины: / В архипелагские пучины / Гремит твой флот среди валов. / Простер скиптродержавны руки / Монарх к претязостным трудам...*» («Военная песнь», 1773, вторая половина 1770-х годов) [10, 96–97];

б) сосредоточенный на себе – как постоянная, вечная священная обязанность для правителя: «*Забыть себя для блага всех. / ... / Ударов счастья не бояться / И небу поручить успех...*» («Храм Марсов») [10, 99–100]. Обращает на себя внимание необычная метафора: «удары счастья» – бедственно может быть не одно испытание или скопление тягот жизни, но и «ослепление» счастьем!²

Связан феномен Екатерины II в творчестве Муравьева и с такой важной аллегорической темой, как торжество Красоты в мире. В «конволюте» писателя (авторское, муравьевское определение), ныне хранящемся в фондах Отдела рукописей библиотеки

¹ Значительное влияние оказали на подобное мировосприятие также культура и символика церемониалов Екатерининской эпохи [3, 82–87, 141–146; 12, 249–257, 271–274].

² В. Н. Топоров отметил один из смелых рефренов муравьевских писем 1770-х годов – рефрен темы трудности выбора правильного пути для императрицы: «...Государыня окружена людьми, которые докучают ей всегда о своих ... Она не может сама свободно расположить: тысячи путей ее окружают...» [15, 245]. Свою роль играет и общая панорама «вихря» столичной жизни, затягивающей в «граде Екатерины» [15, 79–81].

МГУ, два стихотворения 1770–1780-х годов связаны с этим, тонко ассоциативным, аспектом. В «Отрывке оды, писанной в Твери 1779 года на рождение е. и. в. велик[ого] князя[Константина] Павловича» [4, л. 90 об.] образ великой бабушки мягко и органично вписан в общую панораму благословенной небом Красоты, хранящей вечную молодость: «*Спускайся с небес, мать лилий, юность года...*». Тема покорения мира Любовью и Красотой в совершенно «российском», «Екатерининском» контексте появится у Муравьева и годом позже, в 1780 году – в шутильной миниатюре «*Однажды путь в Москву Венера предприняла...*» [4, л. 129 об.].

Нравственная красота, нравственное совершенство не могут не вернуться в мир людей, в мир общества. Интересна лирико-просветительская панорама «золотого века Екатерины» в одном из писем повести «Обитатель предместия»: «Земледельцы, сокровища стекаются в города и питают рукоделья и искусства...». Венец всему – в том, что «*Правление, устремляя все части к пользе целого общества, дарует всем покровительство законов...*» [7, 96]. Завершается глава, что примечательно, – как и в юношеской одописи, воспоминанием о Петре Великом, счастье видеть которого знал в жизни один почтенный старый крестьянин, в чью хижину решает заглянуть лирический герой: «*Он имел щастие видеть и слышать Петра Перваго. ... выговаривал с глубоким чувствованием и с слезами имя Великого Государя...*» [7, 100]. Петр Первый и Екатерина Вторая, не без помощи и самой дальновидной государыни, постоянно соотносились в сознании современников.

«Екатерининский подтекст» в нравственно-философском его обобщении ощутим и в своеобразном «эпигаме» творчества М. Н. Муравьева – в миниатюре «Богине Невы» (1794).

Среди слияния шедевров архитектуры и музыки, на фоне акварельно тонкого портрета северной столицы «Екатерининская тема» раскрывается трояко:

- как рефрен темы спокойного величия России: «горделивая» Она (в аллегорическом мире – река, но тоже «императорская»!) протекает «спокойно, плавно...» [10, 234];
- как венец гимну искусств: «*И сирены вокруг царицы / Поспешают в хоровод...*» [10, 235];
- как знак преклонения мира перед Гармонией: «*Повергая дани наций / Пред стопами Красоты...*» [10, 235].

Итак, как видим, феномен Екатерины II осмысливается М. Н. Муравьевым, как в разные периоды его жизни, так и на разных уровнях его творчества, с различных точек зрения.

С одной стороны, ощущим автобиографический подтекст: благодаря общению с отцом поэта, а потом и с ним самим, императрица свободно «входит» в «семейственное мировоззрение» Муравьева, человека и писателя. В связи с этим формируется в поэтике муравьевского творчества интересный двояко ориентированный феномен «простоты / величия» государя на примере личности Екатерины Великой. Екатерина II предстает и как образец простоты и доброты / добродетельности для семьи Муравьевых (письма второй половины 1770-х – начала 1780-х годов) и как «мать-охранительница» для всего обширного «семейства россиян» («Ода ... на замирение ... с Портою Оттоманскою», 1774).

С другой стороны, философия власти, как видится М. Н. Муравьеву, неколебимо зиждется и на вопросах нравственности. Потому принципиально важен в размышлениях писателя о феномене Екатерины также союз педагогики и психологии. Здесь уже, наряду с очевидной идеализацией / сакрализацией (государыня как «светильник Истории», избавляющий своих подданных и свою страну от кораблекрушений в океане жизни), появляется и остерегающее представление о тяжком нравственном труде, крест которого постоянно должен нести правитель (рефрен темы трудности выбора правды и свободы для монарха – в картинах светской петербургской жизни 1770-х годов – эпистолярный Муравьева-писателя этого периода).

В юношеских одах М. Н. Муравьева 1770-х годов, в связи с последним из отмеченных нами моментов, происходит интересное преобразование традиционной победно-батальной тематики: Екатерина II одерживает верх над любыми неприятелями не силой оружия, а благодаря внутренней победе над собой («Простер скиптродержавны руки / Монарх к претягостным трудам...» – «Военная песнь», 1773; «Забывать себя для блага всех...» – «Храм Марсов», 1773). В итоге, на новом уже витке литературно-эстетического сознания России, наблюдается у Муравьева возвращение, через екатерининский подтекст, к Петровскому мифу русской литературы (от «Оды на победы, одержанные российским оружием...», 1780-е гг. – к «Обитателю предместья», 1790-е гг.).

Вершиной именно Екатерининского мифа в поэтике М. Н. Муравьева оказывается знаковая для словесности русского сентиментализма и предромантизма идея о духовной Красоте и Гармонии. Примечательно меняется при этом и жанровая установка писателя: от традиционной канонической одической поэтики Муравьев переходит к идиллической миниатюре («Отрывок оды ... на рождение е. и. в. велик[ого] князя» Константина Павловича». 1779; «Однажды путь в Москву Венера предприняла», 1780; «Богине Невы», 1794).

Литература

1. Алехина Л. А. Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей ГБЛ: вып. 49. М., 1990. С. 4–38.
2. Ибнеева Г. В. Формирование имперской политики России во второй половине XVIII века: опыт политического взаимодействия Екатерины II и имперского пространства: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2007. 43 с.
3. Ибнеева Г. В. Церемониал российских императоров (XVIII–XIX вв.). Казань, 2008. 230 с.
4. Муравьев М. Н. Записная книга // РНБ. Ф. 298. IV. № 4.15.
5. Муравьев М. Н. Письма ... сестре, Ф. Н. Муравьевой // Рук. отд. ИРЛИ РАН. – Р. II. Оп. 1. № 262.
6. Муравьев М. Н. Письма отцу и сестре 1777–1778 годов // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 259–377.
7. Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. СПб., 1819. 381 с.
8. Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб., 1819. 407 с.
9. Муравьев М. Н. Полн. собр. соч. Т. 3. СПб., 1820. 325 с.
10. Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. 388 с.
11. РНБ. Ф. 499. № 29. Л. 63.
12. Русская старина: путеводитель по XVIII веку / сост.: А. В. Курганников. М.; СПб., 1996. 380 с.
13. Сионова С. А. Сборник «Новые лирические опыты Михаила Муравьева. 1776»: Начало русской предромантической лирики // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: вып. 6. Вопросы метода и стиля. Л., 1984. С. 50–57.
14. Словарь русских писателей XVIII века. Т. 1. Л., 1988. С. 291–302.
15. Толстов В. Н. Из истории русской литературы... М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. III. М., 2007. 683 с.
16. Травников С. Н., Ольшевская Л. А. История русской литературы XVIII века: практикум. М., 2004. С. 110–115.